

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XVI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения по иранистике)

Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982 г.

4. Диковины на пути любви, о товарищ, многочисленны:
Перед ланью этой степи лев в испуге бежал!
5. Не жалуйся на огорчения, ибо на Пути Стремления
Не достиг покоя тот, кто не изведал Труда.
6. На улицу любви не ставь без провожатого ногу.
Потеряется тот, кто на этом пути не достал предводителя
7. С лица лунноликого виночерпия срывай розы сегодня,
ибо вокруг ланит-цветников появился пушок-фиалки.
8. Так кокетства кравчего расстроили мое сердце,

Что ни с кем другим не хочу говорить.

9. Я эту пеструю как цветок мурачку хочу сжечь,
Ведь старец-виноторговец не взял ее даже за один глоток
вина.
10. Ради Бога помоги, о предводитель священного пути,
Ибо не видно края в пустыне Любви
11. Весна проходит, о Справедливец! Пойми же,
Что сезон прошел, а Хафиз до сих пор не выпил!

А.И. Колесников

"ШАХ-НАМЕ" ФИРДОУСИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЗАВОЕВАНИЯ САСАНИДСКОГО ГОСУДАРСТВА

В силу ряда причин основными источниками по истории арабских завоеваний в Иране в УП в. н.э. оказались арабоязычные сочинения, написанные два-три века спустя после падения Сасанидского государства. До недавнего времени они оставались и единственными источниками по этому периоду. Возможность привлечения иранского материала сдерживалась тем обстоятельством, что персоязычные исторические сочинения в главах, посвященных раннему исламу, в основном повторяли сведения мусульманских историков, писавших по-арабски (Табари, Балазури и др.).

Так обстояло дело с произведениями персидской исторической прозы, обозначившими эпоху становления новоперсидского литературного языка. Что же касается поэтического свода иранских преданий, составленного в X в. классиком средневековой персидской

литературы Фирдоуси, то исследователи и подавно относились к нему лишь как к национальному эпосу, а отдельные сопоставления "Шах-наме" с другими памятниками (например, с "Карнамаком") преследовали скорее цель выявления источников поэмы нежели оценки его как исторического источника.

События времени последних Сасанидов нашли отражение в завершающей части поэмы Фирдоуси, им посвящен девятый том критического издания текста, осуществленного в 1971 г.¹. Об арабских завоеваниях говорится в главе о Йездигерде Ш, но вся история завоеваний сводится к описанию деталей сражения при Кадисии и скитаний шаханшаха по стране вплоть до его гибели под Мервом. Ценность сочинения не в хронологии, о ней можно судить по арабским источникам. В "Шах-наме" гениальный автор сумел отразить дух эпохи, настроения правящих классов иранского общества. В разных частях главы лейтмотивом звучат бейты о тленности бытия, неизбежности гибели царствующей династии, а с нею и иранского государства. Устами главного героя в событиях при Кадисии Рустама автор предвещает наступление социальных потрясений, вызванных приходом арабов. Рустам наделяет пришельцев самыми недобрыми эпитетами. Но это не просто отхошение военачальника к грозному противнику: в войнах с Византией иранцы не тратят времени на словопрения, сама мысль как-то обругать ромеев не приходит в голову автору "Шах-наме". Фирдоуси, как и сасанидской знати, нищие арабы неприятны потому, что само их появление в Иране вносило сумятицу в сложившиеся представления об общественном порядке, нарушало незыблемость сословного деления (от чего предостерегают подданных и "Завещание Ардашира сына Папака" и "Письмо Тансара"²), усугубляло кризис иранского общества. Обычными проявлениями этого кризиса стали нарушения договоров (в "Карнамаке" *mihrdarūjīh* — одно из тягчайших преступлений), деградация высших сословий и возвышение низших, обострение социальной борьбы, разрушение семейных традиций и т.д.³. У Фирдоуси социальная обстановка в Иране в годы арабских завоеваний очень напоминает внутривосточный кризис VI в., вызванный маздакитским движением. Эта сторона вопроса практически не затронута мусульманскими хрониками, а между тем она помогает понять, с какими Ираном арабам приходилось вести войну.

Помимо общей направленности произведения, позволяющей отнести его и к источникам по истории завоеваний, "Шах-наме" сообщает ряд подробностей, которые могли бы послужить украшением

исторической хроники. Они действительно уникальны. Глава о Йезидгерде начинается упоминанием даты вступления его на шаханшахский трон: день ард (25-й день) месяца исфандармуза, двенадцатого месяца иранского солнечного года⁴. Таким образом, событие имело место 16-17 марта 633 г. У зороастрийцев эра Йезидгерда начинается с 632 г., то есть включает и те несколько месяцев междоусобной борьбы, которая завершилась победой сторонников Йезидгерда. Средневековые хроники точной даты воцарения Йезидгерда III не сообщают.

Другой пример. В мусульманских исторических сочинениях нет недостатка в описании деталей сражения при Кадисии и предшествующих ему переговоров. Но в них суть переговоров подменяется идеологической полемикой между мусульманином и зороастрийцами, в которой конечно же правота остается на стороне поборника ислама. Из "Шах-наме" явствует, что призыв к исламу был существенным, но не главным элементом при ведении переговоров мусульман с иноверцами. Гораздо более важным для арабов было требование территориальных уступок в Междуречье, которые бы позволили им получить выход к центрам международной торговли⁵. Иранская сторона на это не согласилась.

Характеризуя сражение при Кадисии, Фирдоуси не раз обращает внимание на то, что персы не привыкли вести военные действия в условиях пустыни, умирали от жажды (мусульманские авторы на этом не останавливаются), и эти необычные условия, добавим мы, существенно повлияли на исход битвы в пользу мусульман. Действительно, для кочевых арабов пустыня оставалась их родным домом, губительной же для них могла оказаться метель, обрушившаяся на мусульманское войско много лет спустя в горах восточного Ирана.

Описанием злоключения шаханшаха на востоке страны Фирдоуси создал образную картину взаимоотношений Йезидгерда III со своими подданными, преданность одних и предательство других, и так до трагической развязки на мельнице. Сценой участия христиан в похоронах шаханшаха Фирдоуси как никто другой показал роль и влияние христианской общины Мерва, и в этом его данные подтверждаются сведениями сирийских историков. Внимание исследователя заслуживают также страницы "Шах-наме", в которых говорится о событиях, последовавших за смертью Йезидгерда III, а также сцены, раскрывающие обычаи и реалии далекой доисламской эпохи.

I Фирдоуси. Шах-наме. Критический текст, т. IX (составитель

текста А.Е.Бертельс). М., 1971.

² M.Grignaschi. Quelques spécimens de la littérature sassanide. - JA, t. 254, fasc. 1, Paris, 1966, texte - p. 53-55, trad. - p. 73-75; Tansar's Epistle to Goshnasp. Persian text edited by M.Minovi, Tehran, 1932, p. 2, 12, 19.

³ Фирдоуси. Шах-наме, т. IX, стр. 318-320 (перс.), б.88-120.

⁴ Там же, стр. 311 (перс.), б.1.

⁵ Там же, стр. 314-315 (перс.), б. 47-52.

Г.И. Костыгова

ПЕРСИДСКИЕ РУКОПИСИ В СОБРАНИИ АКАДЕМИКА
И.Ю.КРАЧКОВСКОГО

В течение 1971-74 гг. в Государственную Публичную библиотеку им. М.Е.Салтыкова-Щедрина в дар от В.А.Крачковской тремя частями поступило собрание восточных рукописей И.Ю.Крачковского.

Оно включает 80 рукописей на арабском, персидском, турецком, узбекском, эфиопском и еврейском (идиш) языках, относящихся к XV-XIX векам. Большинство рукописей происходит из Ирана, в том числе и многие арабские. На нескольких имеются записи о получении их от А.А.Ромаскевича с пометами о приобретении этих рукописей в 1912-14 гг. в Тегеране, Ширазе и Исфахане. В собрании есть арабские рукописи, купленные самим И.Ю.Крачковским в Бейруте в 1910 г., и поступившие к нему другими путями.

Основную часть собрания И.Ю.Крачковского составляют арабские рукописи: памятники древней и средневековой литературы, преимущественно поэзии, а также произведения арабской литературы и фольклора XIX века.

Персидские рукописи составляют значительно меньшую часть собрания (43 списка). И подбор рукописей здесь, в отличие от арабской, носит весьма случайный характер.

В процессе работы над каталогом персидских рукописей Публичной библиотеки был определен состав персидской части собрания. И появилась, таким образом, возможность дать о ней краткую информацию, которая представляется не лишней некоторого интереса.

Немногими поздними списками в собрании представлены широкоизвестные произведения персидской и таджикской художественной литературы: "Дивāн" Хāфиза (Кр.73, сильно поврежденный список